

Слегка перекусив, Цзин Юньшу почувствовал, как его одолевает сонливость. Он прилёг на кушетку, намереваясь немного вздремнуть. В голове вяло крутилась мысль: во второй половине дня Юнь Буши вернётся со службы, и придётся идти к нему с поклоном. Даже если в будущем он станет избегать этих церемоний, сегодня, в первый день после возвращения, засвидетельствовать почтение всё же стоило.

Юньшу устроился поудобнее, завернулся в тёплое одеяло на медвежьем меху и уже готов был провалиться в сон, как вдруг из-за ширмы донёсся тихий голос Чжили:

— Молодой господин, вы уже спите?

Цзин Юньшу, не открывая глаз, невнятно отозвался:

— Что там?

— Пришёл Второй господин из Двора Длинного Кедра. Услышал, что вам нездоровится, и принёс отборный женьшень.

Цзин Юньшу удивлённо открыл глаза и покосился на изящный силуэт за ширмой.

— Юнь Вэнь?

Чжили тихо подтвердила его догадку.

Цзин Юньшу подложил под поясницу подушку и сел.

— С чего бы такая щедрость? Неспроста всё это. Ладно,пусти его.

Поскольку старших в доме не было, Цзин Юньшу и не думал утруждать себя условностями этикета — он даже не шевельнулся, когда Чжили ввела гостя.

— Здоровье пошаливает, сил совсем нет, так что извини, второй брат, подниматься не стану, — без тени смущения произнёс Юньшу.

— Пустяки, пустяки! — поспешно замахал руками Юнь Вэнь.

Держа в руках резную шкатулку, он пододвинул табурет поближе к кушетке и уселся напротив.

— Вот, погляди, принёс тебе отборный корень женьшеня. Силы восстановить, кровь разогнать.

Цзин Юньшу вежливо приподнял сложенные в приветствии ладони:

— Премного благодарен за заботу.

Однако Юнь Вэнь вдруг накрыл его ладони своими.

— Мы же братья, к чему эти церемонии? — ласково пропел он, бесцеремонно сжав пальцы Юньшу.

Юньшу удивлённо приподнял бровь. Он опустил взгляд на их сомкнутые руки, затем посмотрел на кузена — тот улыбался приторно и многозначительно.

Мягко, но решительно высвободив ладонь, Юньшу позвал:

— Чжили, подай чаю.

Вскоре служанка внесла фарфоровую чашу с лотосом. В его усадьбе в Юньане оставался ещё один любимый набор — из тончайшего нефрита, но Юньшу счёл его слишком вычурным для здешних мест и взял с собой этот, попроще. Изначально глубокое блюдо под чашей служило лишь подставкой.

Будучи купцом, Цзин Юньшу всегда поощрял изобретательность своих мастеров и не скупился на щедрые награды. Ремесленники лезли из кожи вон, стараясь ему угодить. Как-то раз Юньшу обмолвился, что хорошо бы придумать чашу, в которой чай долго не остывает. Мастера поломали голову и увеличили подставку, сделав её полой, чтобы внутрь можно было насыпать тлеющие угольки.

Благодаря этой хитрости напиток оставался горячим даже в лютые зимние холода. Довольный Юньшу тогда щедро наградил умельцев, выдав им целых десять лянов серебра.

Юнь Вэнь поначалу держал кузена за обычного хилого доходягу, не имеющего за душой ни гроша, ни связей. Однако при виде диковинной посуды он алчно блеснул глазами, а когда он скользнул взглядом по лицу подносившей чай Чжили, он проявил недвусмысленный интерес.

Служанка поставила чашу на столик у кушетки. Чтобы не обжечь пальцы о горячий фарфор, у подставки была предусмотрена удобная ручка. Юнь Вэнь взялся за неё, поднёс чаю к губам, подул на ароматный пар и сделал глоток.

— Хм, кисло-сладкий? — удивлённо протянул он.

— Всё верно, Второй господин, — кротко ответила Чжили. — Это настой из сушёной сливы с мёдом. Он отлично помогает пищеварению.

Юнь Вэнь довольно рассмеялся:

— Надо же! Не думал, что у третьего брата и чай отменный, и утварь изысканная... а уж девицы — и вовсе загляденье.

Юнь Вэнь почитал себя знатоком женской красоты. Годами отираясь в весёлых кварталах, в дорогом шёлковом халате и с веером в руке, он действительно производил впечатление статного благородного мужа. Каких только красавиц в Янчжоу он не перевидал! Да что там — перепробовал всех до единой, выставя каждой строгую оценку. Взгляд у него был намётанный, а язык в суждениях о женской плоти — на редкость острый и бесстыдный. Сам себя он величал не иначе как «Певцом обнажения» и даже сочинил цикл стихов, воспевающий десять главных прелестниц Янчжоу. Самое известное из этих творений доходило и до ушей Цзин Юньшу:

Разгонит тучи лик луны пречистой,

И струн нефритовых польётся нежный звон.

В росе раскроется бутон душистый,

В безумной неге стебель окрылён...

Стихи сквозили откровенной чувственностью. Сравнение женских ласк с раскрывающимся бутонем и гибким стеблем рождало вполне однозначные картины, так что даже Цзин Юньшу невольно признавал: нет зверя гаже, чем начитанный мерзавец.

Поэтому двусмысленный комплимент Юнь Вэня заставил Цзин Юньшу едва заметно поморщиться.

— Брат, ты ведь пришёл по делу? — сухо спросил он.

Юнь Вэнь же не сводил взгляда со служанки. Обычная девчонка, а держится так величаво и спокойно. Ни тени робости в глазах, движения плавные, исполненные достоинства. Точно наложница кузена, тут и думать нечего. Но каков шельмец этот Юньшу! С такой внешностью и девку себе под стать выбрал. Интересно, какова она в постели? Впрочем, настоящая красота кроется в костях, а не в коже. Женщин Юнь Вэнь исходил вдоль и поперёк, а вот сам Юньшу манил его куда сильнее этой изящной служанки.

Юнь Вэнь наконец оторвал взор от Чжили и приторно заглянул в глаза кузену:

— О чём ты, братец? Неужто винишь меня в холодности? Если бы не глупые бредни того даоса, который запретил тебе якшаться с людьми из-за слабого здоровья, я бы давно увлёк тебя в свои покои — пить вино ночь напролёт да делить одно ложе на двоих!

Цзин Юньшу посмотрел на него с ледяной пронзительностью.

«Откуда только взялся этот полоумный?»

Терпение стремительно иссякало.

— Тогда... — начал было Юньшу, но закончить не успел.

Юнь Вэнь вдруг резво вскочил с табурета и бесцеремонно плюхнулся на край его кушетки. Он вновь мёртвой хваткой вцепился в ладонь Юньшу. Тот от неожиданности дёрнулся, но вырваться не сумел.

Сжимая пальцы кузена, Юнь Вэнь уставился на него липким, вождедеющим взглядом:

— Руки у тебя холодные, как лёд. Сердце кровью обливается, глядя на твои мучения. У меня в покоех припасено отменное снадобье для укрепления сил. Хочешь, велю принести? Тебе точно станет лучше.

Юньшу опешил от такой наглости, а Юнь Вэнь тем временем уже вкрадчиво поглаживал пальцами нежную кожу на его запястье.

Даже если до этого момента у Цзин Юньшу оставались сомнения, теперь всё стало предельно ясно. Наглец сидел слишком близко, устраивать безобразную сцену прямо сейчас не хотелось, и Юньшу решил зайти с другой стороны.

— Раз уж такова твоя воля, брат, я не смею отказываться, — как можно спокойнее произнёс он и, выждав паузу, добавил: — К слову сказать, я ведь ещё не бывал в твоём Дворе Длинного Кедра. Может, сходим, осмотримся?

Услышав столь неожиданно покладистый ответ, Юнь Вэнь расплылся в довольной улыбке:

— Сходим, конечно, сходим! У меня там припрятано немало диковинок, тебе понравится.

Юньшу слегка пошевелил пальцами в его тисках:

— Тогда мне нужно переодеться. Присядь пока, выпей чаю.

Юнь Вэнь послушно разжал объятия и вернулся на свой табурет. Попивая чай, он уже мысленно предавался сладостным мечтаниям.

«Стоит ли заманить Юньшу к себе и сразу предложить пару кубков для настроения? Или взять

силой? Вряд ли у этого доходяги найдутся силы сопротивляться».

И всё же Юнь Вэнь решил прибегнуть к проверенному средству — подсыпать в вино особый порошок. Это был его излюбленный приём. Уж на что неприступные девицы попадались, а после этого снадобья сами в объятия вешались. В конце концов, в любовных утехах приятнее всего взаимность, когда оба горят от страсти.

Цзин Юньшу негромко позвал телохранителя:

— Чжун И, помоги мне одеться.

Верный страж незамедлительно вошёл, набросил на плечи хозяина тёплую шинель на вате и бережно помог ему подняться. Оказавшись на ногах, Юньшу словно преобразился: он, бледный и обычно безучастный, стал суров, а посмотрел с безжалостной решимостью.

— Оставь эти речи при себе, брат. Мне они не по душе, — отрезал Цзин Юньшу.

Он заговорил окончательно ледяным тоном, сорвав последние крупницы притворного дружелюбия. Обернувшись, он резким движением схватил со столика фарфоровую чашу и с силой швырнул её на пол. Тонкая керамика с жалобным звоном разлетелась на сотни осколков.

Чжили и Чжихуа, услышав грохот, в испуге влетели в покои.

Юнь Вэню, привыкшему к угодничеству, ещё никогда не давали столь яростного отпора. Он злобно уставился на кузена. От злости и обиды у него перехватило дыхание, а сам он до белизны в пальцах сжал глиняную подставку, оставшуюся на столе.

— Ты... Да как ты смеешь?! — задыхаясь от бешенства, прошипел он. — Прекрасно! Очень хорошо! Ничтожный доходяга... Поглядим, как запоёшь, когда придёшь ко мне на коленях умолять о пощаде!

С этими словами он с размаху грохнул остатки прибора о столешницу — так, что крышка со звоном отлетела в сторону, — круто развернулся и стремительно вышел прочь, впустив в комнату струю ледяного уличного воздуха.

Едва за ним закрылась дверь, как Цзин Юньшу, словно лишившись последних сил, тяжело опустился обратно на кушетку, опираясь на верную руку Чжун И.

— Мне нужно отдохнуть, — выдохнул он, закрывая глаза.